

УДК 1:316.286:303.01

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.2.226

О НЕКОТОРЫХ КЛЮЧЕВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКСИОЛОГИИ ПЬЕРА БУРДЬЕ

С.В. Козлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Пьер Бурдьё – одна из центральных фигур в социологическом и социально-философском мышлении последней трети XX в. Рассматривается его концепция социальной праксиологии, выявляются некоторые особенности (включая социально-философские основания) данной концепции. Речь идет о стремлении французского социального исследователя и теоретика избежать выбора между «структурализмом без субъекта» и «философией субъекта», а также о «конструктивистском структурализме» как концептуальной базе его социальной праксиологии. Рассматриваются некоторые ключевые понятия данной концепции: «социальный агент», «социальное поле», «габитус».

Ключевые слова: Пьер Бурдьё, социальная праксиология, объективизм и субъективизм, конструктивистский структурализм, социальные практики, социальный агент, социальное поле, габитус.

Пьер Бурдьё принадлежит к числу влиятельных французских интеллектуалов последней трети XX в. Будучи одним из центральных представителей современной социологии, он одновременно выступал в качестве общественно-политического публициста и мыслителя, чьи идеи и воззрения вызывали и продолжают вызывать значительный интерес у представителей различных областей социогуманитарного знания. В этой статье мы обратимся к концепции социальной праксиологии П. Бурдьё в аспекте выявления некоторых ее ключевых особенностей и социально-философских оснований.

Следует отметить, что П. Бурдьё, получив философское образование в парижской Высшей нормальной школе, в своем профессиональном становлении прошел путь от занятий философией к антропологическим исследованиям и далее к социологии. Данное движение было сопряжено у него с сохранением и развитием устойчивого интереса к проблематике оснований социальных наук [9, с. 14–20]. Еще одной отличительной особенностью исследовательского подхода Бурдьё, нашедшей отражение в его зрелых общественно-научных работах, стало представление о непродуктивности жестких междисциплинарных делений, накладывающих ограничения на предмет изучения и на применяемые методы (в своих исследованиях он применял инструментарий из разных областей социогуманитарного знания, включая антропологию, философию, лингвистику, историю, политические науки,

© Козлов С.В., 2025

эстетику). Обоснованным представляется утверждение, что культивируемая рассматриваемым автором установка «на философское, антропологическое и культурно-теоретическое видение социальных феноменов не позволяет легко зачислить сделанное им по ведомству одной, заведомо частной дисциплины» [10].

Позиционируя себя как сторонника рефлексивной социальной науки, Бурдьё акцентировал необходимость постоянного прояснения социальной наукой ее собственных предпосылок, исходя из которых она описывает и концептуализирует социальный мир (предпосылок зачастую непроговариваемых, претендующих на самоочевидность, явно или неявно подразумеваемых), включая прояснение самой сути (и степени обоснованности) претензий социально-научного дискурса на помещенность в некую уникальную – особым образом выделенную по отношению к препарированному социальному универсуму – объективистскую позицию (см., напр.: [1, с. 141–146; 6, с. 315–318]). В данной связи Бурдьё говорит о необходимости «объективировать объективирующего субъекта», объективировать саму ситуацию объективации [7, с. 58–80; 1, с. 141–146]. Подвергая критическому переосмыслению классическую традицию в трактовке социального познания, утверждающую, что теоретику «нечего делать с социальной действительностью, кроме как объяснять ее» (цит. по.: [12, с. 10]), французский социолог выходил на осмысление фундаментальных философско-методологических проблем социальных наук, делая эти проблемы предметом целенаправленного анализа.

Важно заострить внимание на том, что воззрения П. Бурдьё на социальную реальность и способы ее концептуализации формировались под влиянием «революции структурализма» в социогуманитарных науках и в связи с осмыслением вызванных ею следствий. При этом он испытал также воздействие определенных идей марксистской традиции и феноменологического конструктивизма. Отмечая особую роль структурализма как междисциплинарного направления в развитии современных социогуманитарных исследований, новизну и значение этого направления Бурдьё связывает с внедрением в них *«структурного метода как такового, или, точнее, реляционного способа мышления»*. Как разъясняет французский исследователь, данный способ мышления, «порывая с субстантивистским способом мышления, подводит к описанию каждого элемента через отношения, объединяющие его с другими элементами в систему, где он имеет свой смысл и функцию» [7, с. 12]. Одновременно в качестве одного из ключевых допущений структурализма – в проекции данного направления на сферу собственно обществоведческих построений – Бурдьё указывает на установку мыслить социальный мир как пространство объективных связей, трансцендентное по отношению к тем, кто «практикует практики», и не сводимое к их взаимодействиям [9, с. 20]. По мысли социолога, указанная установка, входя в концептуальное ядро структуралистского видения социального универсума, одновременно задает и определенные рамки применимости

данного видения (речь идет об истолковании субъектов и их практик в качестве последовательно эпифеноменальных образований по отношению к неким предзаданным им, наличным социальным структурам [9, с. 21]). Отправляясь от этой констатации, свою задачу Бурдьё видит в том, чтобы двигаться в сторону исследовательской стратегии, позволяющей при трактовке социального мира «выйти из структуралистского объективизма, не впадая в субъективизм» [3, с. 96].

Результатом ориентированных подобным образом усилий становится бурдьерианская концепция социальной праксиологии, выстраиваемая на базе теоретической модели, обозначаемой ее автором как «конструктивистский (генетический) структурализм» или же «структуралистский конструктивизм» [8, с. 181]. Данная модель, имея связь с определенными идеями и построениями классического структурализма, стремится преодолеть их в русле установок постструктуралистского синтеза. Как разъясняет Бурдьё, в пределах предлагаемого им подхода речь идет об опосредовании представляющихся «с виду несовместимыми точек зрения», между которыми «колеблется социальная наука», о преодолении устоявшихся в ней «ложных оппозиций» [8, с. 182–183, 184–185; 2, с. 58–59]. В качестве такой ключевой оппозиции он указывает на противостояние «между объективизмом и субъективизмом или, если угодно, физикализмом и психологизмом» (уточняя при этом, что последний «может принимать различные окраски: феноменологические, семиологические и т. п.») [8, с. 183]. Очевидно, что в схему такой раздвоенности (раздвоенности, требующей, как акцентирует Бурдьё, своего преодоления) оказывается вписанным и соотношение собственно структуралистских подходов к концептуализации социальной реальности с подходами феноменологически-конструктивистскими. Саму суть подобных представляющихся антиномическими точек зрения на социальную реальность Бурдьё обозначает следующим образом: в первом случае (позиция «объективизма или, если угодно, физикализма») ставка делается на то, чтобы «согласно старой максиме... “рассматривать социальные факты как вещи” и отстраняться, таким образом, от всего, чему те обязаны своим существованием в качестве объектов познания (или незнания) в социальном бытии»; во втором же случае (позиция «субъективизма или, если угодно, психологизма») социальный мир сводится «к представлениям о нем, конструируемым самими агентами; задача социальной науки заключается в таком случае в производстве “мнения о мнениях”, производимых социальными субъектами» [8, с. 183]. При этом французский исследователь уточняет, что в реальной исследовательской практике эти две социально-философские позиции не всегда «выражаются и тем более применяются... столь радикальным и столь контрастным образом» [8, с. 183]. Но в общем и целом, как он полагает, большинство социологических и социально-философских концепций обычно тяготеют к тому или иному из этих двух полюсов.

Абсолютизированность и противопоставленность указанных концептуальных точек зрения (объективизма и субъективизма, физикализма и психологизма, структурного детерминизма и феноменологического конструктивизма) в трактовке социального мира являются, согласно Бурдье, проявлением «искусственной оппозиции, установившейся между структурами и представлениями» [8, с. 185]. При этом он отмечает, что, хотя сам классический структурализм последовательно и локализован на объективистском полюсе данной «искусственной оппозиции», именно «революция структурализма», связанная с применением к социальному миру реляционного способа мышления, «идентифицирующего реальность не с субстанциями, а со связями», закладывает важные предпосылки для преодоления вышеуказанной оппозиции [8, с. 185].

Выстраивая свою праксиологическую теорию социального универсума на основе обозначенной выше синтетической модели, французский исследователь отмечает, что, вводя само номинативное обозначение данной модели («конструктивистский структурализм»), использует «при этом слово структурализм в смысле, сильно отличающемся от того, который ему придает сосюрровская или леви-строссовская традиция» [8, с. 181]. При этом он следующим образом разъясняет логику своего подхода: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире, а не только в символическом, языке, мифах и т. п. существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять и подавлять их практики и представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом (или системой мыслительных и поведенческих диспозиций), а с другой стороны, – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями или группами...» [8, с. 181–182]. Тем самым французский исследователь претендует одновременно и на преодоление противопоставленности двух ранее обозначенных позиций в осмыслении социального универсума (позиций субъективизма и объективизма), одна из которых «предрасположена редуцировать структуры к взаимодействиям», а другая «стремится выводить действия и взаимодействия из структуры» [8, с. 189–190].

Таким образом, двигаясь в русле данных установок, Бурдье описывает социальный универсум в двух взаимосвязанных проекциях: 1) как пространство позиций, в которых могут быть локализованы те, кто «практикуют практики» и которых занимаемые позиции будут связывать определенной идентичностью (при этом каждая такая позиция определяется реляционно, т. е. через соотнесенность с другими позициями); 2) как совокупность практик, носителями которых являются индивидуальные и коллективные акторы («социальные агенты» по Бурдье); практик, посредством которых эти позиции продуцируются, воспроизводятся и модифицируются. Отметим, что в рамках данной концептуальной модели (на уровне второй

проекции) французский исследователь стремится «ввести в игру» условный субъективный элемент, связываемый с представлениями и диспозициями носителей практик, в которых результируется их социальный опыт и на основе которых они определенным образом интерпретируют пространство занимаемых позиций и осуществляемые действия.

Н.А. Шматко в данной связи замечает, что бурдьерианский подход к анализу социальной реальности связан с представлением, что оформляющие общество структуры «ведут двойную жизнь», существуя в двух модулях: как «реальность первого порядка» (пространство позиций) и как «реальность второго порядка» (пространство диспозиций, представлений и базирующихся на них практик) [12, с. 14]. Сам Бурдьё в данной связи прибегает к помощи таких понятий, как «социальная физика» и «социальная феноменология» (см., напр.: [8, с. 191]). По его мысли, в первом случае социальный мир обнаруживается в модусе внешней объективной структуры, узлы и сочленения которой возможно фиксировать и наблюдать; во втором – общество и его структуры предстают «контингентным и протяженным во времени осуществлением деятельности уполномоченных социальных агентов, которые непрерывно конструируют социальный мир через практическую организацию повседневной жизни» (цит. по: [12, с. 16]).

Рассматривая общество в единстве этих двух аспектов – как совокупность структур, предзаданных практикам, и как результат этих практик (не что производимое и воспроизводимое в представлениях и практиках) – французский социальный теоретик через призму подобных установок стремится осмыслить и самих носителей социальных практик. При этом он отказывается от привычной категории «социальный субъект». Один из мотивов данного отказа – стремление избежать определенных коннотаций, связанных с различными (и далеко не всегда согласуемыми) трактовками данной категории (примеры: расхожие трактовки субъекта как носителя целенаправленной, сознательной практики, осуществляя которую, он подчиняет себя некоему рациональному правилу; трактовки субъекта, базирующиеся на понятии трансцендентального Его; связанные с этой традицией концепции экзистенциального субъекта как самотрансцендирующего Я, осуществляющего «внутренний проект»; концепции, видящие в «субъекте» марионетку, функцию, порождаемую и управляемую структурой, и др.). Взамен П. Бурдьё ставит в центр своей социальной праксиологии категорию «социальных агентов» как «агентов поля отношений» (от фр. «agent» – «действующий»). Речь в такой перспективе идет о концепции носителей практик, движимых не сугубо рациональным расчетом, а о трактовке таковых в качестве своего рода социальных игроков, движимых «практическим чувством», «чувством игры» [3, с. 96], результирующим формы их предыдущего опыта (все это кристаллизуется в т. н. «габитусах» агентов), и реализующих *стратегии воспроизводства/изменения занимаемых позиций, стратегии борьбы за признание* (см., напр.: [3, с. 98–99, 106–107]). (Заметим, что,

согласно Бурдьё, «борьба за признание» составляет фундаментальное изменение социальной жизни (см., напр.: [9, с. 40–41]))

Исходя из утверждения, что практики и стратегии, осуществляемые социальными агентами, не являются полностью рациональными и отрафлексированными, рассматриваемый автор акцентирует, что сами агенты при этом «не являются ... автоматами, отлаженными как часы в соответствии с законами механики, которые им неведомы» [9, с. 21]. В данной связи представляется необходимым обратиться к некоторым другим категориям социальной праксиологии П. Бурдьё, в частности, к его категории «социальное поле».

Как известно, в современных социологических и социально-философских концепциях устоявшимся является представление (восходящее, по крайней мере, к позитивизму XIX в.), согласно которому общественное развитие проявляется усиливающейся дифференциацией социального универсума и выстраиванием новых связей между его дифференцируемыми элементами. П. Бурдьё в своих построениях исходит из утверждения, что современный социальный универсум обладает высокой степенью дифференциации: в нем выделяются все новые социальные области, характеризующиеся той или иной степенью автономности по отношению друг к другу и к обществу в целом. Данные области французский социолог обозначает понятием «социальные поля». В качестве примеров таких социальных полей, оказывающихся в центре его исследовательского внимания, можно назвать поле экономики, поле политики, поле науки (и особенно поле социальных наук), образовательное поле (сфера образовательной деятельности), поле журналистики, юридическое поле и бюрократическое поле, религиозное поле, поле литературного производства и др. Каждое такое поле определяется им как «место сил, внутри которого агенты занимают позиции, статистически определяющие их взгляды на это поле и их практики, направленные либо на сохранение, либо на изменение структуры силовых отношений, производящей это поле» [4, с. 108–109]. Указывая на некоторое несовершенство данного определения, Бурдьё поясняет, что само эксплицируемое понятие поля «является инструментом исследования, главная функция которого – дать возможность научного конструирования социальных объектов» [4, с. 109]. Так, в цитируемой нами работе [4] он рассматривает отношение, существующее в современном обществе «между полем политики, полем социальных наук и полем журналистики», представляющими собой, согласно его утверждению, «три социальных универсума, автономных, относительно независимых, и в то же время влияющих друг на друга» [4, с. 108]. При этом французский исследователь отмечает, что многие социальные феномены, «ежедневно предстающие перед нашими глазами, ...нельзя понять иначе, как с помощью анализа тех невидимых структур, что представляют собой поля», а также «тех особо незаметных структур, какими являются отношения между... полями» [4, с. 108].

Очевидно, что в логике функционирования этих особых социальных субпространств, обозначаемых П. Бурдьё как социальные поля, обретает свою фундированность ранее уже затрагиваемая нами категория социального агента. Говоря об общих механизмах функционирования данных субпространств, французский исследователь замечает, что социальные поля по некоторым их характеристикам можно сравнить с полями физических сил, но при этом, разумеется, нельзя их сводить к физическим полям. В качестве иллюстрирующего примера он упоминает «поле литературы как микрокосм, объединяющий агентов и институты, вовлеченные в производство литературных произведений» [4, с. 109]. Речь идет о том, что в практиках агентов, вписанных в определенное поле отношений, могут интегрироваться различные факторы и основания, направляющие их активность. Разъясняя свой концепт социального поля, П. Бурдьё пишет: «Социальное поле является местом действий и противодействий, совершаемых агентами, обладающими постоянными диспозициями, которые некоторым образом усвоены в ходе опыта нахождения в данном поле. Агенты реагируют на отношения силы, на структуры, они их конструируют, изобретают, воображают, представляют себе и т. п. И несмотря на принуждения со стороны сил, вписанных в эти поля, и детерминацию их постоянных диспозиций силами поля, агенты способны влиять на эти поля, действовать в них, согласно частично предустановленным направлениям, имея при этом некоторый запас свободы» [4, с. 109]. Таким образом, каждое социальное поле может быть представлено как некий социальный субуниверсум, как относительно автономизированное пространство динамических отношений между агентами, локализованными в различных социальных позициях (и в рамках такой локализованности связывающими себя определенными идентичностями); отношений, в которых поле и образующие его позиции производятся, воспроизводятся и трансформируются.

Практики агентов в различных социальных полях П. Бурдьё описывает с помощью таких взаимоувязываемых категорий, как диспозиции, габитус, практическое чувство, практический смысл, стратегии. Не ставя своей целью детальный анализ данных понятийных конструкций, заострим внимание на том, что их введение в бурдьерианскую социальную праксиологию (в той интерпретации, которая им там дается) ориентировано на выход за пределы устоявшейся уже структуралистской парадигмы (на своего рода «разрыв с ней» [9, с. 22]) при одновременном уклонении от парадигмы «картезианской философии сознания» (см., напр.: [5, с. 159]). В конечном итоге, речь идет о том, о чем мы уже говорили ранее: об «усилии выйти из структуралистского объективизма, не впадая в субъективизм» [3, с. 96].

Как известно, структуралистская парадигма в социогуманитарных исследованиях активно стимулировала тему «разрыва с картезианской философией сознания» (данная тема получает свое оформление и завершение в постструктурализме [11, с. 34–36] – с данным направлением могут связывать и самого П. Бурдьё). Как мы уже показывали, рассматриваемый нами

автор, высоко оценивая роль «структуралистской революции» в социогуманитарных науках (прежде всего за внедрение в них реляционного способа мышления), в процессе выстраивания собственной исследовательской стратегии приходит к разрыву с рядом ключевых структуралистских положений. Двигаясь в обозначенном выше русле (выход за пределы устоявшейся структуралистской парадигмы и одновременно уклонение от установок в духе картезианской философии сознания), П. Бурдьё при этом отмечает некоторых феноменологов (Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, М. Хайдеггера), которые, как он полагает, своим анализом допредикативного опыта открыли «путь – ни интеллектуалистский, ни механистический – к анализу отношений между агентом и миром» [9, с. 23].

Отметим, что выстраиваемая П. Бурдьё концепция социальной практики связана, согласно его утверждению, с осознанием своего рода парадокса: «поведение может быть ориентировано на цель, не будучи сознательно направляемо к этой цели» [9, с. 22]. В данной связи в качестве ключевой категории, описывающей практики агента и его отношения с социальным миром, французский исследователь использует понятие «габитус». Оно указывает на систему социально приобретенных диспозиций агента, включая некие схемы восприятия, мышления, оценивания и действия, результирующие опыт его нахождения в определенных социальных позициях. Данные схематизмы изначально интегрируются с системой субъективных значений опыта агента. Не являясь полностью рефлектируемыми и осознаваемыми, они функционируют в качестве принципов, порождающих и структурирующих его практики.

В логике построений П. Бурдьё габитус есть своего рода «социализированная субъективность ... , чьи категории восприятия и оценки (система предпочтений) суть продукт коллективной и индивидуальной истории» [5, с. 159]. Отправляясь от подобного понимания природы габитуса, рассматриваемый автор стремится показать, что таковой «не имеет ничего от механического принципа действия». В данной связи он пишет: «Габитус есть спонтанность обусловленная и ограниченная. Это тот принцип автономии, который преобразует действие из простой и непосредственной реакции на реальность вообще в “умный” ответ на активно выбранный аспект реальности. Связанный с историей, чреватый возможным будущим, габитус являет собой инерцию, след прошлой траектории, который агент противопоставляет непосредственно воздействующим силам поля, вследствие чего стратегии агента не могут быть прямо выведены из его положения или из наличной ситуации. Он дает ответ, чей принцип не вписывается в стимулы, ответ, который нельзя предвидеть, исходя из знания одной лишь ситуации, но в то же время он не может быть совершенно непредсказуемым» [5, с. 160].

В контексте указанных представлений габитус может быть понят как система субъективных значений определенных объективных структур (структур, интериоризируемых агентом в процессе социализации). Мысля генезис габитуса в таких категориях, Бурдьё видит в нем связующее звено

между агентом и социальной структурой: именно посредством габитуса, согласно утверждению французского исследователя, поддерживается «настоящее онтологическое соучастие» агента с социальным миром [9, с. 25]. Являясь продуктом длительного предъявления условий, связанных с нахождением агента в определенных социальных локациях, габитус начинает функционировать как «принцип знания без сознания, интенции без интенциональности и практического освоения закономерностей мира, который позволяет предвосхищать будущее, даже не нуждаясь в том, чтобы полагать его как таковое» [9, с. 25]. Говоря о подобных связанных с габитусом специфических феноменах, рассматриваемый автор описывает их в категориях «практического чувства» и «практического смысла» (см.: [7; 3, с. 95–96]).

Таким образом, как мы уже стремились показать ранее, П. Бурдьё, выстраивая свою концепцию социальной праксиологии, старается (выражаясь его собственными словами) «избежать выбора между структурализмом без субъекта и философией субъекта» [9, с. 22–23]. В результате в центре его построений оказывается трактовка носителя практик как социального агента, обладающего собственным габитусом, т. е. приобретаемыми в опыте и относительно устойчивыми системами диспозиций, ментальных и поведенческих схематизмов, позволяющих ему спонтанно ориентироваться в социальном пространстве, более или менее адекватно реагируя на события и ситуации.

Подводя итог нашему рассмотрению, отметим, что исследовательская программа Пьера Бурдьё до сих остается одним из последних опытов построения больших теоретических проектов в сфере социологических и социально-философских концептуализаций и, несомненно, сохраняет свою актуальность. Выстраивая собственное оригинальное видение социального универсума, французский социальный исследователь и теоретик двигался в русле синтеза ключевых современных обществоведческих подходов. В данной направленности своих концептуальных построений он выступает наследником не только социологической и социально-антропологической классики, но и рациональной традиции европейской философии вообще.

Список литературы

1. Бурдьё П. Объективировать объективирующего субъекта // Бурдьё П. Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994. С. 141–146.
2. Бурдьё П. Ориентиры // Бурдьё П. Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994. С. 58–89.
3. Бурдьё П. От правила к стратегиям // Бурдьё П. Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994. С. 93–116.
4. Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002. С. 105–140.
5. Бурдьё П. Поле экономики // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 129–176.

6. Бурдьё П. Политический монополизм и символические революции // Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 311–320.
7. Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
8. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181–207.
9. Бурдьё П. «Fieldwork in philosophy» // Бурдьё П. Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994. С. 13–57.
10. Дмитриев А.В. «В свете нашего опыта»: социоанализ Пьера Бурдьё и российское гуманитарное сознание [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20220321105859/https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/v-svete-nashego-opyta-soczioanaliz-pera-burde-i-rossijskoe-gumanitarnoe-soznanie.html> (дата обращения: 15.03.2025).
11. Панкова Е.С. Кризис картезианской парадигмы субъекта как «эпистемный сдвиг» // Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология». 2016. Вып. 2 (26). С. 32–38.
12. Шматко Н.А. Введение в социоанализ Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 5–26.

ON SOME KEY FEATURES AND SOCIO-PHILOSOPHICAL GROUNDS OF THE PIERRE BOURDIEU'S SOCIAL PRAXEOLOGY CONCEPT

S.V. Kozlov

Tver State University, Tver

Pierre Bourdieu is one of the central figures in social science of the last third of the 20th century. The article examines his concept of social praxeology, some features and socio-philosophical grounds of this concept are considered. We're talking about striving of Bourdieu to avoid choosing between «structuralism without a subject» and «philosophy of the subject», and also about constructivist structuralism as a conceptual base his social praxeology. The some key notions of Bourdieu's concept are considered: «social agent», «social field», «habitus».

Keywords: *Pierre Bourdieu, social praxeology, objectivism and subjectivism, constructivist structuralism, social practices, social agent, social field, habitus.*

Об авторе:

КОЗЛОВ Сергей Валентинович – канд. филос. н., доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: koslovserg@yandex.ru

Author information:

KOZLOV Sergey Valentinovich – PhD, Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University. E-mail: koslovserg@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 10.05.2025.